

* 3 МАЯ 1971

г. Орджоникидзе

Газета № . . .

ВЕЧЕР. К ярко освещенному старинному зданию на площади Ленина со всех сторон собираются люди. Здесь можно встретить и старушек, осторожно идущих по подмерзшему асфальту, и студентов, вечно спешащих и веселых. Пройдет еще немного времени, прозвучит третий звонок — и опустеет парадный подъезд. В зале погаснет свет, плавно поползет в обе стороны занавес, и начнется спектакль республиканского русского драматического театра. И зрители будут с захватывающим интересом следить за событиями, развивающимися в Испании, за подвигами нашего земляка полковника Ксанти...

А в это время в репетиционном зале звучат слова, написанные великим поэтом:

Как новый вальс хорош! В каком-то упоенье
Кружилась я быстрей — и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалось, не то, чтобы печаль,

Не то, чтоб радость...

Слова, знакомые еще со школьной скамьи: идет репетиция драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». На маленькой сцене репетиционного зала стоят условные высокие свечи, условно обозначены огромные окна, чуть правее — тахта, возде которой стоит актриса Эсмеральда Князева. А за большим столом у сцены — остальные актеры, режиссер-постановщик — заслуженный деятель искусств Российской Федерации и нашей республики Зарифа Элбасдуковна Бритаева. Репетируется одна из самых труднейших сцен — сцена смерти Нины. Еще и еще раз проверяется каждое движение, что-то отбрасывается, что-то фиксируется. Появилось решение: начать картину с того, что Нина (Князева) берет у служанки подсвечник и, зажигая горящей свечой канделябры, начинает говорить о новом вальсе, который так хорош. Но ее перебивает Зарифа Элбасдуковна.

— Эсмеральда, не надо так быстро. Медленнее зажигайте свечи. Ведь основное в этих занятиях сейчас — не зажигание свечей. Нина берет подсвечник у служанки и плавно, словно кружась, переходит от канделябра к канделябру, вспоминая маскарад. А зритель обращает все свое внимание на то, как вы зажигаете свечи. — Несколько минут режиссер стоит, задумавшись, словно отключившись от всего окружающего, затем говорит: «Сцену перестраиваем. Эти слова вы будете произносить, сидя на

...На сцене появляется актер Алексей Николаевич Самохвалов, репетирующий роль Арбенниа. Радостно улыбающаяся при виде мужа, тянется к нему Нина. Но какой-то чужой, холодный, встревоженный сегодня Арбеннин. Нина и не подозревает, что она уже отравлена, что жить ей осталось всего несколько минут.

— Алексей Николаевич, — звучит голос Зарифы Элбасдуковны, и через мгновение она стоит на сцене. — Здесь вы немного поспешно двигаетесь. А ведь Арбеннин в

должен расти, должен учиться на крупных ролях. А роли Арбенниа и Нины, несомненно, крупные, и не только в русской драматургии. Конечно, любой театр, если будет ставить классику во имя классики, может потерпеть крах. Мы же хотим поднять проблему общечеловеческую. Это — проблема одиночества человека в обществе, в котором раскрытию духовных сил мешает много причин. И одна из них — страх перед тем, что ты не будешь понять, что ты будешь предаи. Поднять проблему в спектакле только социальную — это еще не все. Надо поднять проблему общечеловеческую. Когда нет контактов с окружающим, человек приходит к трагическому концу. Поиски Арбенниным счастья, стремление преодолеть одиночество в семье не могли увенчаться счастливым концом в том обществе.

— Кто занят в спектакле?

— Арбенниа играет Алексей Самохвалов и недавно пришедший в наш театр Евгений Никулин. Роль Нины исполняют три актрисы — Алла Груздева, Татьяна Хрулева и Эсмеральда Князева, Баронессу Штраль играют заслуженная артистка РСФСР и Северо-Осетинской АССР Валерия Хугаева и Элина Дударенко.

После короткого перерыва репетиция возобновляется... Давно опустел театр, разоглись последние зрители, закрыты белыми чехлами кресла в зале. Ярко пожевываются, выходят на улицу, гримеры, рабочие сцены. И лишь за плотно прикрытой дверью репетиционного зала слышится чистый голос:

— Как новый вальс хорош! Пройдет еще несколько дней. В зале погаснет свет, поползет в обе стороны бархатный занавес, и, как сто лет назад, зрители будут с волнением смотреть спектакль, поставленный по драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад».

Б. ГУРИЕВ.

К 100-ЛЕТИЮ РУССКОГО ТЕАТРА В ОСЕТИИ

И СНОВА — «МАСКАРАД»

полу, откинувшись на тахту. Или обопираться локтем...

И опять все сначала. В который раз? В десятый, пятнадцатый, двадцатый? Никто этого не знает: все повторяется до тех пор, пока не будут довольны и режиссер, и актер. И даже тогда, когда спектакль уже идет на сцене, после премьеры, они вновь и вновь будут работать над ним. Зритель, может, и скажет: «С какой легкостью они живут на сцене». И это, видимо, тоже хорошо, потому что зрителю же так уж нужно знать о страшной усталости после репетиций, о бисеринках пота, выступающего на лбу. И какое счастье для актера, когда после такого труда благодарный зритель говорит: «Вы показали нам кусочек жизни. Спасибо!».

эти минуты не должен быть таким. Для него заглохнулось все, жизнь прекратилась, и в мире наступила тишина — невозможная, страшная. Давайте начнем снова, с выхода Арбенниа.

...Воспользовавшись маленьким перерывом, спрашивает режиссера:

— Зарифа Элбасдуковна, почему театр решил поставить «Маскарад»?

— Для этого несколько причин. Сто лет назад свой первый сезон Владикавказский театр начинал драмой Лермонтова. Вот первая причина, почему мы решили к юбилею театра поставить «Маскарад». Во вторых, наш театр издавна тяготеет к произведениям интеллектуально-романтического направления. К тому же, актер